

С. А. Громыко
Вологда, Россия

ЧЕРНОСОТЕННЫЕ ЛИСТОВКИ И ВОЗЗВАНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА: РИТОРИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. В работе на материале листовок и воззваний рассматриваются некоторые аспекты русской политической риторики начала XX века. В центре внимания — письменные обращения русских националистов 1905—1910 годов. Устанавливается жанровая специфика воззваний и листовок русских националистов. Анализируется адресат текстов, его эксплицированное и имплицитное обозначение, проявление в текстах оппозиции «свое» — «чужое». Рассуждения авторов воззваний имеют строгий бинарный характер: ядро «своих» — русские, православные, ядро «чужих» — евреи. Система аргументации в обращениях и листовках националистов послужила основой для последующей речевой деятельности в Государственной думе. В текстах широко используется национальный аргумент и доводы к истории. Исследуемые произведения имеют высокую степень манипулятивности, которая вытекает как из системы аргументов (основа — аргументы к пафосу и этосу), из использования риторических уловок, так и из средств художественной выразительности. Для воззваний характерен особый синтаксис. Большое количество текстов содержит обязательную стилистическую триаду: обращение — риторический вопрос — риторическое восклицание, причем вопрос и восклицание редко бывают единичными и гораздо чаще используются в каскаде — более 3 подряд.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; парламентские речи; парламентская риторика; риторические аргументы; персуазивность; листовки; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, Вологодский государственный университет, кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации; 160000, Россия, Вологда, пр-т Победы, д. 37, каб. 69; e-mail: ling2007@yandex.ru.

Начало XX века в России — время активного формирования публичной политической коммуникации нового типа. В связи с образованием в 1906 г. Государственной думы зарождается русский парламентский дискурс, а вместе с ним и парламентская риторика. Бурно развиваются и неинституциональные формы политической коммуникации: митинги, полемические статьи в газетах и журналах, листовки, воззвания, прокламации и т. п. Многочисленные формы и способы публичного общения по поводу власти взаимодействуют, переплетаются, заимствуют друг у друга различного рода речевые средства, которые, по мнению агентов дискурса, обладают наибольшим воздействующим и убеждающим потенциалом. В условиях острой общественно-политической борьбы идеологические группы стремились выработать свой собственный стиль воздействия на аудиторию, который был бы максимально эффективным с точки зрения достижения политических целей и узнаваемым для сторонников и противников.

Одной из наиболее активных идеологических групп рассматриваемого периода были праворадикальные объединения националистического толка. Как и социалисты, представители черносотенного движения пытались выстраивать диалог не с элитами, а с народом, поэтому использовали все имевшиеся на тот момент ресурсы публичной политической коммуникации, как уже привычные уличные и печатные, так и зарождавшиеся институциональные — черносотенцы активно участвовали в работе II, III

и IV Государственной думы, причем в парламенте они заняли лидирующие позиции не только по количеству выступлений с трибуны (особенно это касается таких одиозных политиков, как В. М. Пуришкевич и Н. Е. Марков), но и по богатству и разнообразию риторических приемов и средств речевого воздействия. В Думе националисты задавали тон парламентской дискуссии, их выступления практически никогда не проходили незамеченными, они были источниками большого количества парламентских прецедентов [Громыко 2016а]. Такая активность была следствием в том числе неинституционального опыта ораторов-черносотенцев, которые еще за два года до первых речей в парламенте начали оттачивать воздействие на массы при помощи листовок, воззваний, публикаций в газетах и продолжали подобные акции параллельно с думской деятельностью. В статье рассматриваются риторические средства, использовавшиеся членами Союза русского народа в листовках и воззваниях, а также виды риторических аргументов и их связь с типичной системой аргументов в думских выступлениях националистов. Персуазивность исследуемых текстов представляет интерес с точки зрения изучения как «речевого вкуса эпохи» (авторы листовок и воззваний выбирали такие речевые средства, на основе которых можно было, по их мнению, строить диалог с аудиторией, разговаривать с народом на одном языке), так и политического дискурса. При этом персуазивность мы понимаем как «стилистический вариант» реализации аргументирования, как «практическое аргументиро-

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Проект № 16-34-01050/17-ОГОН «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

вание» в реальных коммуникативных ситуациях [Голоднов 2008: 14].

Историография праворадикальных партий начала XX в. получила мощный импульс в конце 90-х гг. прошлого века в связи с изданием двухтомника «Правые партии 1905—1917. Документы и материалы». Важными в изучении текстов черносотенцев в аспекте эволюции их идеологии, взаимоотношения с политическими партиями, законотворческой деятельности в Думе являются работы И. Ю. Кирьянова [Кирьянов 2001]. Собственно же исследуемые тексты в историческом аспекте кратко проанализированы в работе Г. А. Ивакина «Черносотенная агитация и пропаганда в начале XX века (по материалам ГАРФ)» [Ивакин 2014]. В указанной статье, например, делается вывод об информационно-интерпретационной функции листовки черносотенцев: «Данный тип документов очень сублимированно разъяснял сквозь призму злободневных вопросов — аграрного, вопроса об образовании и др. — основные целевые установки и задачи движения. В тексте листовок проводился анализ существующей общественно-политической обстановки, приводились аргументы против противников абсолютной монархии в России, разъяснялась высочайшая воля Императора по изменению Основных законов Империи в части дарования политических свобод населению, а также содержался призыв активизировать борьбу с революционными элементами. Также в информационном плане они освещали деятельность правонархистов: открытие новых отделов, рост численности движения и другие вопросы» [Ивакин 2014: 60]. Думается, что присутствие информационного, интерпретационного и аргументативно-воздействующего компонентов и есть жанрообразующие характеристики листовки как жанра политического дискурса начала XX в.

Гораздо большие затруднения возникают при попытке определить воззвание как жанр политической коммуникации, указать его отличия от листовки. Г. А. Ивакин отмечает, что воззвания писались с учетом потребностей различных слоев населения и в ряде случаев носили персонифицированный, авторский характер [Ивакин 2014: 61], т. е. прагматическая функция у воззвания выражена ярче, чем у листовки. В лингвистическом аспекте воззвания проанализированы Г. В. Судаковым в статье «„Отчизна к вам зовет“. Русская публицистика в 1812 году». Автор видит генезис многочисленных текстов этого жанра русской публичной коммуникации периода Отечественной войны в речевых произведениях более ранних эпох: «Ос-

нова этих воззваний — церковно-проповеднический стиль. По стилистическим средствам, по используемым жанрам здесь можно видеть продолжение традиций агитационной литературы начала XVII века — периода Смуты...» [Судаков 2004: 94]. Исследователь также подчеркивает сложность ситуации выбора автором языковых средств для создания воззвания, так как этот жанр требует диалогичности, эффекта живого разговора с читателями. Этим объясняется, например, успешность печатных воззваний государя, Священного синода и Главного штаба и неудача афиш Ростопчина, который не нашел правильного тона в разговоре с народом, смешивая сатиру и выпренность, грубое просторечие и церковнославянские архаизмы [Судаков 2004: 94—95]. Именно поэтому в воззвании особое внимание уделяется лексике, фразеологии и синтаксису текста. Таким образом, можно констатировать, что для воззвания как жанра политической коммуникации характерны следующие признаки:

- 1) ярко выраженная прагматическая направленность: воздействующий компонент выражен сильнее, чем информационный;
- 2) наличие прямого обращения к адресату (как правило, в начале текста и в начале структурных частей);
- 3) наличие призыва к действию (чаще всего в конце текста);
- 4) особый отбор языковых средств, зависящих от адресата текста;
- 5) наличие средств художественной выразительности;
- 6) доминирование аргументации *ad hominem*, широкие возможности для риторической манипуляции.

Первое, на что необходимо обратить внимание в процессе анализа текстов радикальных националистов начала XX в., — это четкое разделение жанров листовки и воззвания по критерию обращения к аудитории. Лишь в одной из проанализированных нами листовок (отнесение к жанру произведено редакторами сборника «Правые партии. 1905—1917») встретилось обращение к аудитории, в то время как в каждом воззвании такие обращения есть, причем чаще всего их несколько, они находятся в разных позициях текста и редко повторяют друг друга. Типичные вокативы — «братцы», «дорогие братья во Христе», «русские люди», «русские люди и другие народы, населяющие Россию и любящие Родину» — необходимо рассматривать как знаки солидаризации с аудиторией (по терминологии Е. И. Шейгал — интеграции). Лексические единицы с компонентом совместности, вы-

ступающие в функции вокатива, относятся к специализированным вербальным знакам интеграции, «позволяющим политикам отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности» [Шейгал 2004: 119]. Листовки же черносотенцев не содержат таких знаков интеграции по причине адресованности текстов данного жанра совершенно иному типу аудитории — интеллигенции. Это отчетливо заметно по использованию нормированного литературного языка, холодному и малоэмоциональному тону рассуждения, содержанию, которое зачастую представляет собой разграничение дискуссионных общественно-политических терминов (самодержавие и абсолютизм), а также мягко сформулированных упреков в адрес интеллигенции: «По нашему глубокому убеждению основа всех непорядков на Руси коренится в оторванности от родной Земли наших образованных классов, из которых Государю приходится брать своих ставленников и советников. При всей их добросовестности в них ослабло понимание Русской жизни, они склонны видеть в преданности заветам нашей истории варварскую косность, а в простом народе — младенца несмышленного, которого следует заставить и думать и жить на иностранный лад» [Правые партии 1998: 109]. Адресат в листовках присутствует, но выражен он опосредованно, не в форме вокатива. Например, одна из листовок начинается словами: «Разговаривая с людьми самого разнообразного общественного положения, приходишь к убеждению, что громадное большинство их, даже среди лиц безусловно интеллигентных, совершенно не видит различия между настоящим, русским самодержавием и абсолютизмом, следствием чего и является какое-то отрицательное отношение к монархическому режиму вообще» [Правые партии 1998: 78]. Далее все содержание листовки представляет собой разъяснение этого различия. Черносотенцы избегали прямого обращения к интеллигенции, видимо, стремясь дистанцироваться от нее, что логично, так как в воззваниях оценки интеллигенции гораздо более жесткие, она составляет периферийную область образа врага. Интересно, что воззвания представителей Союза русского народа обращены и к тем адресатам, отождествление с которыми затруднено логически — «доблестные казаки» и «бедные, доверчивые люди». Однако семиотическая интеграция агентов политического дискурса в данном случае не страдает: жанр воззвания выбирается именно для того, чтобы подать знак об общности интересов, сочувствии, понимании.

Персуазивность исследуемых текстов основывается на системе аргументов, которую можно назвать типичной для русских националистов начала XX в. и которая была в дальнейшем апробирована, развита и усложнена в думских речах черносотенцев [Громыко 2016а]. Основной семиотической матрицей, системой координат, в которой разворачивалось речевое воздействие, была оппозиция «свои» — «чужие», вытекавшая из крайне правой идеологии. Четкость и простота этой оппозиции прекрасно подходила для формата листовки или воззвания, но потребовала пересмотра в дальнейшей институциональной деятельности националистов: для выступлений в Государственной думе лапидарное деление на черное и белое было слишком примитивно, поэтому такая матрица отошла на второй план. Однако в 1905—1906 гг. рассуждения авторов воззваний еще имеют строгий бинарный характер: ядро «своих» — русские, православные, ядро «чужих» — евреи. Ядерная зона «своих» — православные помещики, фабриканты, купцы, ядерная зона «чужих» — Америка, Европа, а также финны, поляки и прочие представители наций и народностей, населяющих Россию. Периферия «своих» — русские крестьяне, периферия «чужих» — интеллигенция. В листовках любые агенты и события политического дискурса интерпретировались сквозь призму этой схемы (например, кадеты — политические враги, потому что они в основном «жиды» и «слабая духом интеллигенция», а конституция — зло, потому что это иностранное изобретение). В воззваниях подчеркивалась непримиримость этой бинарной оппозиции, однозначное отнесение «чужих» к врагам, принципиальная невозможность достичь какого-либо компромисса с «чужими».

Обращает на себя внимание активное использование так называемого национального аргумента. Под национальным аргументом мы понимаем персуазивный комплекс разнородных доводов, связанных со способом убеждения посредством апеллирования к таким ментальным категориям, как национальное сознание, дух, характер, национальная идентичность, а также к истории становления нации, т. е. к различного рода явлениям, связанным с этнической идентификацией в широком смысле. Особое распространение в исследуемых текстах получили такие разновидности национального аргумента, как довод к нации-жертве и к национальной слабости. В рамках первого довода оратор (автор) рассматривает русских как жертву иноземного и иноземного заговора с целью разорить Россию и уничтожить русский народ:

«Знаете ли, что жида всего мира, ненавидящие Россию, армяне и затем Германия и Англия составили союз и решили разорить Россию дотла, разделить ее на мелкие царства и раздать ее врагам народа русского?» [Правые партии 1998: 130]. Второй довод заключается в том, что русские излишне доверчивы и открыты, несамостоятельны и нуждаются в заступничестве. Авторы воззваний называют своих адресатов «бедными доверчивыми людьми» [Правые партии 1998: 130]. Оба аргумента служат доказательством к тезису о необходимости активного сопротивления врагам и содействию Союзу русского народа.

Практически каждый исследованный текст содержит аргумент к истории. Обращение к истории в политическом дискурсе можно рассматривать как знак ориентации: агенты дискурса, выбирая в качестве персуазивного ориентира исторический факт или известную личность, демонстрируют самим фактом обращения близость к определенной политической линии или, наоборот, удаленность от методов решения ряда политических проблем. Исторический аргумент входит в ядро системы персуазивности русских правых, так как посредством него происходило «присвоение» националистами семантического поля русской истории как типично патриотического дискурса, как средства убеждения, достойного исключительно националиста. При этом интересен выбор исторических периодов и фигур для убеждения аудитории. Так, Допетровский период — безусловный идеал развития нации, пример единения царя и народа, Смута — образец хищничества западных стран, народное ополчение и Минин — довод к тезису, что русская земля богата талантливыми гражданами, которые готовы спасти Отечество. В некоторых случаях развернутый довод к истории составлял все содержание текста, как, например, в воззвании «К славному казачеству», где хронологическое перечисление заслуг казаков перед Российским государством служит аргументом к тезису: «Мы не сомневаемся, что Вы вместе со всем храбрым и верным русским воинством можете нашему Самодержавнейшему Государю спасти обманутый народ от конечного разорения, охранить нашу Святую Веру и укрепить Отечество» [Правые партии 1998: 245]. Персуазивность довода к истории заключается в его сопоставительном и прогностическом характере, он помогает аудитории категоризировать непонятную, спонтанную, а иногда и пугающую политическую повестку дня: в Смутное время был X и делал Y, а в наше время есть Z, который также будет/может/способен делать Y.

Эта же особенность исторического аргумента объясняет и его высокий манипулятивный потенциал, который реализовывался в листовках черносотенцев. Когда оратор или автор текста не обозначал или попросту не имел оснований для сравнения, он начинал произвольно сопоставлять несопоставимые исторические периоды или совершенно непохожих деятелей. Другой вариант манипуляции — необоснованная прогностичность, или, по меткому выражению Е. И. Шейгал, «гадательность» [Шейгал 2004: 199], которая применительно к исследуемому материалу выражается в том, что довод к истории превращается в сослагательное наклонение, в «доказательство от противного» или в рассуждения о том, «что случилось бы со страной, если бы не произошло данного события». Приведем пример целого силлогизма, основанного на подобном доводе. «Предположим, что в России при восшествии на престол Царя-Освободителя была бы конституция. Так как в то время дворянство являлось самым сильным сословием, то крестьяне не были бы отпущены на волю с землей, тем более что тогда почти все власть имущие люди были против земельного надела. Но Государь, опираясь на мнение ничтожного меньшинства, признал необходимым для блага России и справедливым освободить крестьян, дав им землю на правах выкупа, и, хотя для многих это было совершенно разорительно, помещики не за страх, а за совесть выполнили волю Государя, так как она священна для подданных. Таким образом, великим делом освобождения крестьян с землей Россия обязана самодержавной власти Царя» [Правые партии 1998: 109].

Отдельно стоит сказать и о таком распространенном способе манипуляции, как демонизация врага. Стремление напугать читателя политическим оппонентом приводило к эмоциональному нагнетанию и изображению мрачных картин будущего России и русского народа. Манипулятивность этого довода заключается в заведомо утрированной, гиперболизированной интерпретации политических взглядов соперников, которая не имела отношения к мало-мальски объективному анализу политической программы. Зачастую авторы воззваний приписывали своим умеренным оппонентам совсем уж радикальные идеи: «Из этих партий самый опасный враг России — Конституционно-демократическая партия, в основу которой положено: созвать вместо Государственной думы Учредительное собрание, т. е. Новое правительство, и долой Царя и разделить Россию на части по народностям...! Всем известно, что эта партия вошла в союз с ре-

волюционерами финляндцами, армянами, поляками, латышами, не говоря уже о жидовском Бунде» [Правые партии 1998: 168]. Подобные высказывания были адресованы читателю, который очень плохо разбирался в политическом раскладе сил в стране, так как на момент создания и распространения текста (май 1906 г.) кадеты выступали за конституционную монархию, а вовсе не за свержение царя.

Особая эмоциональность текста достигалась и за счет широкого использования различных средств художественной выразительности. Метафоры и сравнения носят в основном традиционный для националистического дискурса характер, восходящий к устному народному творчеству, особенно когда речь идет о России и о земле: «матушка Русь, русским потом и кровью политая и приобретенная», «политый кровью край Новороссийский». Когда речь шла о политических и идеологических врагах, нагнетание пафоса происходило при помощи зооморфных метафор и сравнений: «...всякий христианин для жида хуже собаки, и нет у него к христианину ни совести, ни жалости, ни справедливости» [Правые партии 1998: 130—131], «ваши заступники... впадут в хищные лапы жидов» [Правые партии 1998: 131], «эти тигры ждут и волнуются в нетерпении, как бы скорей упал могучий русский медведь» [Правые партии 1998: 169]. В метафорической манифестации политического дискурса у националистов наблюдается логическая дихотомия по признаку ключевого понятия «кровь»: «свои» — те люди, которые проливали кровь за Россию, за землю и православную веру, «чужие» — люди, партии, нации, государства, которые хотят выпить кровь, пустить кровь и тем самым ослабить и умертвить страну и русских.

Однако с точки зрения развития пафоса гораздо большую роль в исследуемых текстах играет стилистический синтаксис. Листовки и воззвания насыщены фигурами речи даже в большей мере, чем метафорами, причем эти фигуры также дифференцируются в зависимости от используемого жанра. Так, в воззваниях обращает на себя внимание активное использование инверсии, в результате чего фрагменты текста приобретают сказовую форму изложения: «*Брань междоусобная, внутренняя смута грозят разрушить наше отечество и вконец уничтожить все то, что веками созидали наши предки, русские православные люди... Нельзя смотреть без душевной боли на то, что русские люди на *заграничный лад жить хотят**» [Правые партии 1998: 168—169]. Большое количество текстов содержит обя-

зательную стилистическую триаду: обращение — риторический вопрос — риторическое восклицание, причем вопрос и восклицание редко бывают единичными и гораздо чаще используются в каскаде — более 3 подряд. Праведный гнев, изумление перед наглостью и вероломством врага, ощущение национальной катастрофы — вот гамма чувств, которые должен был испытать читатель воззвания. Подтверждением тому служит и пунктуационное оформление высказываний: «Русские — подумайте — что с вами будет, если случится, что большинство голосов в такой Думе будет на стороне инородцев!!!» [Правые партии 1998: 169]. Создается впечатление, что автору воззвания тесно в пространстве печатного текста, который не может в полной мере передать интонацию сообщения. По-видимому, воззвания создавались в надежде на их устное произнесение. Листовка же менее эмоциональна, вопросы и восклицания в ней присутствуют не в таком количестве.

Листовки и воззвания — важнейшие жанры националистического дискурса начала XX в., которые, предшествуя институциональной политической коммуникации черносотенцев в Думе, а затем и существуя параллельно с ней, оказали существенное влияние на русскую парламентскую речь. Оба жанра имеют свои риторико-прагматические особенности, обусловленные адресованностью текста различным группам читателей. Воззвание у националистов было ориентировано на речевое воздействие в устной форме бытования (чтение вслух) при помощи средств выразительности, а листовка — на убеждение через рассуждение об актуальных проблемах политической повестки дня. Основу системы персуазивности текстов составляли дихотомия «свое» — «чужое» и четкий и доступный для понимания аудитории образ врага, который в думских выступлениях в дальнейшем трансформировался в образ более неопределенного и менее непримиримого политического противника. Аргументация (национальный аргумент, довод к истории) из институциональных текстов перекочевала в думские выступления (особенно Н. Е. Маркова и В. М. Пуришкевича) практически без изменений, однако усилилась в дальнейшем разнообразными аргументами *ad rem*. Исследуемые произведения имеют высокую степень манипулятивности, которая вытекает как из системы аргументов (основа — аргументы к пафосу и этосу), из использования риторических уловок, так и из средств художественной выразительности. Воззвания буквально «давят» читателя эмоционально,

навязывают аудитории чувства негодования, возмущения, опасности. Специфические метафоры и особый синтаксис были призваны помочь найти общий язык с аудиторией, что было довольно трудно, так как адресатом листовок и воззваний были в основном мещане и крестьяне, а ядро черной сотни составляли помещики и радикально настроенная интеллигенция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голоднов А. В. Риторический метадискурс: к определению понятия // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2008. Вып. 2. (13). С. 7—18.
2. Громыко С. А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе // Политическая лингвистика. 2016а. № 4 (58). С. 217—224.
3. Ивакин Г. А. Черносотенная агитация и пропаганда в начале XX века (по материалам ГАРФ) // Актуальные проблемы современного общества. — М.: Этносоциум, 2014. № 1 (67). С. 59—66.
4. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России 1911—1917 гг. — М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
5. Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1905—1910 гг. — М.: РОССПЭН, 1998. 720 с.

S. A. Gromyko
Vologda, Russia

LEAFLETS AND APPEALS OF RUSSIAN NATIONALISTS IN THE EARLY XX CENTURY: RHETORICAL AND PRAGMATIC ASPECT

ABSTRACT. *On the analysis of leaflets and appeals, the paper considers some aspects of Russian political rhetoric of the early twentieth century. The main attention is given to written appeals of Russian nationalists in 1905 — 1910. The paper studies genre specificity of leaflets and appeals. The paper discusses potential addressees of texts, his explicit and implicit designation and manifestation in the texts of the opposition “our — alien”. The reasoning of the leaflets’ authors is binary: the core of “our” is the Russians, the core of “alien” is made of the Jews. Argumentation in nationalists’ leaflets and appeals was the basis of subsequent speech activities at the State Duma. There are many national arguments and the arguments for history in the speeches of deputies. The analyzed texts are manipulative, which results from the argumentation, rhetorical tricks and means of artistic expressiveness. The appeals have a special syntax. A large number of texts contain compulsory stylistic triad: appeal, rhetorical question and rhetorical exclamation.*

KEYWORDS: *political linguistics; parliamentary speeches; parliamentary rhetoric; rhetoric arguments; persuasiveness; leaflets; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gromyko Sergey Alexandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Philological Faculty, Vologda State University, Vologda, Russia.*

REFERENCES

1. Golodnov A. V. Ritoricheskiy metadiskurs: k opredeleniyu ponyatiya // Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2008. Vyp. 2. (13). S. 7—18.
2. Gromyko S. A. Osobennosti rechevoy agressii russkikh natsionalistov v dorevoluytsionnoy Gosudarstvennoy dume // Politicheskaya lingvistika. 2016a. № 4 (58). S. 217—224.
3. Ivakin G. A. Chernosotennaya agitatsiya i propaganda v nachale XX veka (po materialam GARF) // Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva. — M.: Etnosotsium, 2014. № 1 (67). S. 59—66.
4. Kir'yanov Yu. I. Pravye partii v Rossii 1911—1917 gg. — M.: ROSSPEN, 2001. 464 s.
5. Pravye partii. 1905—1917. Dokumenty i materialy. V 2 t. T. 1. 1905—1910 gg. — M.: ROSSPEN, 1998. 720 s.
6. Sudakov G. V. «Otchizna k vam vzyvaet». Russkaya publitsistika v 1812 godu // Russkaya rech'. 2004. № 6. S. 92—98.
7. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M., 2004.

6. Судачков Г. В. «Отчизна к вам взывает». Русская публицистика в 1812 году // Русская речь. 2004. № 6. С. 92—98.

7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.

8. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 242—245.

9. Громыко С. А. Кооперация и конфронтация в парламентских речах русских националистов в начале XX века (на примере выступлений П. А. Крушевана) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016б. № 6 (60). С. 70—73.

10. Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве: дис. ... д-ра ист. наук. — Пермь, 2009.

11. Матвеев А. В. Идеологема «русский» в думской риторике В. М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 118—122.

12. Тагильцева Ю. Р. «В ту ночь, когда рождались волки», или «Поэзия» информационно-психологического воздействия религиозно-политического экстремизма // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 165—170.

13. Экстремистский текст и деструктивная личность: моногр. / Ю. А. Антонова и др. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014.

8. Voroshilova M. B. Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 242—245.

9. Gromyko S. A. Kooperatsiya i konfrontatsiya v parlamentar'skikh rechakh russkikh natsionalistov v nachale XX veka (na primere vystupleniy P. A. Krushevana) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016b. № 6 (60). S. 70—73.

10. Kir'yanov I. K. Rossiyskie parlamentarii nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve: dis. ... d-ra ist. nauk. — Perm', 2009.

11. Matveev A. V. Ideologema «russkiy» v dumskoy ritorike V. M. Purishkevicha (opyt kontent-analiza) // Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7 (69). Ch. 2. S. 118—122.

12. Tagil'tseva Yu. R. «V tu noch', kogda rozhdalis' volki», ili «Poeziya» informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya religiozno-politicheskogo ekstremizma // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 165—170.

13. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost': monogr. / Yu. A. Antonova i dr. — Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2014.